

великой любви, столь сильной, что он вдруг откажется от себя.

Да, кто в самом деле перенесен в Божью волю, тому не надо хотеть, чтобы грех, в который он впал, не случался. Не в том смысле, конечно, что он был против Бога, а в том, что посредством него ты возведен к большей любви и через него унижен и смирен, — но только не в том, что он обращен против Бога. Ты же должен вполне довериться Богу: Он не дал бы преткнуться тебе, не желая извлечь из этого лучшее для тебя. А когда человек из грехов совершенно восстанет и [от них] вполне отрешится, тогда сотворит верный Бог, как будто бы человек никогда в грех не впадал, и не допустит, чтобы он хотя бы на миг поплатился за все свои прегрешения. Будь их так много, сколько все люди до сих пор сотворили, Бог ни за что не допустит, чтобы он пострадал. Бог мог бы иметь с человеком самую полную сокровенную близость, какую Он когда-либо поддерживал с тварью. И если только теперь Он найдет человека готовым, то не посмотрит, чем был тот раньше. Бог есть Бог настоящего. Каковым Он тебя обретет, таковым Он тебя возьмет и примет, — не тем, чем ты был, но тем, чем теперь ты являешься. Любую обиду и всякий позор, что могли бы выпасть на долю Бога из-за всех прегрешений, Он хочет переносить и переносил долгие годы, лишь бы потом человек пришел к большому постижению Его любви, и лишь бы его любовь и благодарность стали больше, а его усердие пламенней, как это естественным образом после прегрешений часто случается.

Поэтому Бог с готовностью претерпевает ущерб от греха и терпел его часто и весьма часто попускал произойти ему через людей, которых Он присмотрел, дабы их по Своей воле возвести к великим деяниям. Взгляни! Кто нашему Господу был когда-либо милей и любезней апостолов? А ведь никому из них не довелось сохраниться от того, чтобы не впасть в смертный грех; все они были смертными грешниками. Равным образом в Ветхом и в Новом Завете Он часто определял это тем, кто в дальнейшем становился Ему весьма и весьма мил. И ныне редко услышишь, что люди восходят к великому без того, чтобы прежде как-то не оступиться. Вот так и ведет наш Господь, да познаем мы Его великое милосердие, и так Он нас желает привлечь к глубокому и истинному смирению и благоговению. Ведь когда возобновится раскаяние, тогда весьма и весьма приумножится и возобновится любовь.

13. О двояком раскаянии

Существует раскаяние двоякого рода: одно временное, или чувственное, другое — Божественное и сверхъестественное. Временное всегда простирается долу во все большую скорбь, повергая человека в такую печаль, словно теперь он должен расстаться с надеждой; раскаяние же при этом застывает в унынии и не движется дальше. Из этого ничего не выходит.

Божественное раскаяние совершенно другое. Лишь только человек ощутит недовольство, так в тот же час обращается к Богу и навечно в непоколебимой решимости отрекается от всех прегрешений. И так подымается он до великого доверия к Богу и стяжает великую уверенность. А отсюда проистекает духовная радость, возносящая душу из скорби и плача и накрепко привязывающая ее к Богу. Потому что чем более немощным сознает себя человек и чем больше он провинился, тем большее у него основание прилепиться в безраздельной любви к Богу, в Нем же нет ни греха, ни порока. Поэтому, если ты захочешь взойти в глубоком благоговении к Богу, высшая ступень, на которую можно подняться, заключается вот в чем: быть без греха благодаря Божественному раскаянию.

Чем сильнее себя в грехе укоряешь, тем с большей охотой Бог прегрешение прощает,